

ВЕЧЕВАЯ ТРАДИЦИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ ПРОТОГРАЖДАНСКОГО ТИПА

Статья посвящена исследованию вечевой традиции древнерусских городов. Развитие вечевых институтов было, по мысли автора, предпосылкой для формирования в домонгольской Руси механизмов взаимодействия общества и власти, близких по своей сути к гражданским. Социально-политическая история древнерусского города рассматривается в статье в контексте общеевропейского феномена «коммунальной борьбы». Это позволяет преодолеть многие стереотипы в отношении русской политической традиции и показать, что российские реалии в разное время давали возможности для различных путей развития общества, в том числе и демократического.

Ключевые слова: вече, князь, городская община, домонгольская Русь, волость.

В отечественных социальных науках доминирует представление о русской политической традиции как сугубо недемократичной, авторитарной. Пресловутый миф о «тысячелетнем рабстве» давно стал общим местом в размышлениях об истории и перспективах становления в России общества гражданского типа, построение которого воспринимается исключительно через преодоление сущностных характеристик российской социальной системы.

Конечно, трудно спорить с тем, что сегодня взаимоотношения общества и власти в России носят во многом патерналистский характер, недостаточно выработаны механизмы гражданского контроля, политическая культура населения далека от стандартов развитых демократий. Как сложно не согласиться и с тем, что мно-

гое из этого является наследием нашего исторического прошлого. Однако существует ряд явлений и фактов, которые плохо вписываются в концепцию извечного российского авторитаризма, якобы никогда не имевшего в нашей стране серьезных альтернатив. И один из таких феноменов – это вечевая традиция древнерусских городов, насчитывающая более двух столетий.

Казалось бы, исследование Древней Руси имеет определенную значимость лишь для историков и представляется мало актуальным сегодня. Но нам эта далекая эпоха интересна именно в контексте современной социально-политической проблематики, поскольку мы рассматриваем домонгольский период как некую «развилку» русской истории, когда отечественная социальная система имела существенные предпосылки для гражданской трансформации. И в рамках данной статьи мы хотели ли бы показать, в чем заключались эти предпосылки; каковы были особенности социально-экономических и геополитических условий, в которых вызревала древнерусская государственность, какое влияние они имели на характер взаимоотношений между обществом и властью; наконец, почему тенденции гражданского типа оказались тогда незавершенными. Ведь, по нашему мнению, различие в социально-политической истории России и Запада заключается вовсе *не в отсутствии* у нас гражданских тенденций и импульсов, характерных для Европы, а в том, что в России эти тенденции *систематически срывались и не получили своего завершения*. Автор надеется, что предлагаемая статья сможет внести посильный вклад в преодоление ряда устойчивых стереотипов в отношении русской политической традиции и политической культуры россиян, а значит, позволит по-иному взглянуть на перспективы сегодняшнего движения России к обществу гражданского типа.

Известно, что Древняя Русь, благодаря удобным речным артериям, долгое время была важнейшим звеном международной торговли – уже с VIII в. через нее проходят два великих водных пути – волжский и «из варяг в греки», которые соединяли между собой две собственно европейские торговые зоны (средиземноморскую и североевропейскую), а также Запад с Византией и ближневосточными странами. Транзитная торговля стала одним из важнейших факторов градообразования у восточных славян, и хотя многие города возникали изначально как центры племенных союзов, не вызывает сомнения, что торговая деятельность оказывала значительное влияние на социальный и культурный облик городов, превращая многие из них в крупные центры ремесла и торговли. На Руси рынки имелись практически в каждом городе, а в Киеве в период расцвета их было восемь, при этом русские купцы доходили

даже до Багдада, а в стране в большом ходу была византийская и арабская монета. Эти рыночные черты сильно отличали экономику Руси от Западной Европы, где денежное обращение, ремесленное производство и ярмарки до начала XIII в. находились еще в зачаточном состоянии (за исключением Италии и Фландрии).

Богатство древнерусских городов и их численность все больше увеличиваются по мере развития торговли, растет городское население. Не случайно скандинавы называют Русь словом «Гардарики», то есть страна городов. По подсчетам ученых, к середине XIII в. на Руси было около 300 городов¹, в которых проживало примерно 15% населения. Для периода Средневековья это были довольно высокие показатели (для сравнения: в XIII столетии в Англии горожане составляли 9–10% населения страны, в Скандинавии – 3–5%²).

Все это имело самые прямые последствия для древнерусской государственности, поскольку торгово-ремесленный характер городов формировал большую массу свободного населения, которое по мере разложения родоплеменного строя и складывания новых социальных связей начинает консолидироваться в единое городское сообщество, обладавшее значительными экономическими и политическими ресурсами. Не случайно с середины XI в. мы встречаем в источниках все более частое упоминание о *вече* – это было внешним проявлением возросшей активности городских общин, которые использовали для изъявления своей политической воли институт, привычный для славянского населения еще с архаичных времен (изначально вече – это племенная сходка). Так вечевые собрания переживают своеобразное «второе рождение», теперь уже в качестве политического института. В первую очередь сильные городские общины складываются в Киеве и Новгороде – в двух наиболее крупных торговых городах Древней Руси. Рост социально-политической активности населения в других городах мы увидим позднее – к концу XI в., но так или иначе, это была общая тенденция для всех городских сообществ домонгольской Руси.

Похожие процессы можно было наблюдать и в средневековой Европе, в особенности на Апеннинях. Там могущественные северо- и центрально-итальянские города также играли важную роль в экономической, политической и культурной жизни. Как и города Древней Руси, они находились на пересечении торговых путей и, развиваясь очень динамично, уже в IX–X вв. начали борьбу со своими феодальными сеньорами. В результате к концу XI–XII вв. в Северной и Средней Италии практически повсеместно возникли самоуправляющиеся коммуны, власть в которых осуществляли выборные институты – ассамблеи, городские советы и консулы.

«Коммунальное движение» охватило не только Италию, это был в значительной степени общеевропейский феномен борьбы горожан за свои права, но только на Апеннингах (и частично на юге Франции) коммуны смогли отвоевать себе полную независимость и стать самостоятельными городами-государствами, распространяя свою власть на городское пространство и на прилегающую к нему территорию. Успехи прочих европейских городов были намного скромнее и сводились первоначально лишь к освобождению от наиболее тяжелых форм феодальной эксплуатации. Однако повсюду борьба за городские вольности способствовала становлению городских общин, пользовавшихся определенной автономией и самоуправлением.

Таким образом, средневековый город повсеместно являлся носителем того динамичного начала, под влиянием которого в Европе складывались предпосылки для формирования гражданских институтов – внутри городских стен развивались принципы самоорганизации, создавались общественно-политические структуры, выстроенные «снизу вверх», на основе принципа выборности и участия членов сообщества в управлении, возникали значительные пласты свободного населения. И важно подчеркнуть, что русские города домонгольской эпохи не представляли собой исключения из этого общеевропейского правила, даже наоборот – города Древней Руси и средневековой Италии в наибольшей степени развили вышеуказанные тенденции, поскольку находились в наиболее урбанизированных, рыночных и развитых в торговом-ремесленном отношении частях Европы.

Вторым фактором, способствующим развитию вечевых институтов, наряду с высоким уровнем урбанизации, стал полицентризм. Древняя Русь, несмотря на общность языка, религии, правовых норм, экономических отношений и правящей династии не знала единой государственности, которая охватывала бы всю территорию расселения восточных славян. Государственность была достаточно аморфной и децентрализованной, она была локализована в городах, которые распространяли свою власть на окружающую территорию, что называлось в терминологии того времени *волостью* или *землей*. И здесь можно снова провести определенные аналогии с итальянскими городами-коммунами.

Каждая древнерусская волость включала в себя правящий город (он назывался «старшим»), подчиненные ему города («пригороды») и сельскую округу. По названию старшего города обозначали и всю землю – Новгородская, Киевская, Владимирская и т. д. Русь была своеобразной конфедерацией таких волостей, которые хотя иногда и собирались под властью какого-либо сильного князя,

тем не менее никогда не являлись единым целым. Волостное устройство благоприятствовало развитию вечевых институтов, поскольку позволяло всем гражданам непосредственно участвовать в политической жизни, сойдясь на городской площади.

Необходимо также отметить, что политическое устройство древнерусских земель вплоть до татаро-монгольского нашествия не имело принципиальных различий. Вечевые институты, вопреки расхожему мнению, не были уникальной чертой Новгорода и Пскова. По крайней мере, современники никак не выделяли политические порядки северо-западной Руси среди остальных, об этом говорит примечательный фрагмент из Лаврентьевской летописи, датируемый 1176 г.: «Новгородци бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вся власти [то есть все волости – Д. Л.] яко на думу на вече сходятся. На что же старейшии сдумают, на томъ же пригороди станут»³.

Обозначив предпосылки складывания вечевого строя, посмотрим теперь, что же представляло собой вече в качестве политического института. И здесь одним из важнейших является вопрос о социальном составе веча – был ли это чисто аристократический орган или помимо «верхушки» общества в него также входили и простые горожане. Анализ летописного материала однозначно склоняет нас в пользу второго варианта. В источниках участники веча, как правило, обозначаются самыми общими терминами, подразумевающими все свободное население – «людие», «кияне», «володимерцы», «вся Галицкая земля» и т. д. Встречаются и более подробные указания. Например, повествуя о вече в Киеве в 1097 г., летописец говорит, что «наутрия же Святополк созва *боляр* и *кыян* <...>», и дальше: «И рше *боляре* и *людье* <...>» (курсив мой – Д. Л.)⁴. Как видим, здесь четко выделены социальные слои, сошедшиеся на вече – это как бояре, так и «людье», то есть простой народ.

Это, однако, не означает, что на вече собирались все горожане. Статус полноправного гражданина в домонгольской Руси, как и в средневековой Европе, был доступен только тем, кто делал определенные взносы в городскую казну. А поскольку основной единицей налогообложения на Руси традиционно был «дым», то есть двор, домохозяство, то и гражданскими правами обладали лишь *свободные домохозяева* (мужчины, являющиеся главами семейств). Зависимые категории населения – закупы, рядовичи, холопы, челядь и прочие – политических прав были лишены. С этой оговоркой мы можем признать вече институтом, демократическим по своему составу.

Влияние древнерусского «демоса» на политическую жизнь усиливалась и особенность военной организации домонгольского обще-

ства, предполагавшей поголовную вооруженность всех свободных мужчин, которые составляли народное ополчение. Это делало социальные «низы» достаточно самостоятельными по отношению к знати, ведь «вооруженный общинник – плохой объект для эксплуатации»⁵.

Не менее существенным представляется вопрос о компетенции веча. Вечевые собрания в древнерусских городах так и не стали постоянно действующим органом, занимающимся текущими вопросами управления. Они собирались лишь по мере необходимости, когда существовал какой-либо вопрос, требующий всенародного обсуждения. Тем не менее, компетенция веча была значительной, оно могло вмешиваться во все сферы государственного управления и законодательства, включая обсуждение вопросов войны и мира, принятие судебных решений, принятие некоторых законодательных актов и т. д. Но бесспорно важнейшим правом, закрепленным за вече, была возможность распоряжаться княжеским «столом», то есть смещать князей по своей воле и призывать новых. Это право появилось далеко не сразу и явилось результатом развития древнерусских городских общин.

Борьба Рюриковичей за власть в конце X – начале XI в. проходила еще без широкого участия горожан, то были именно межкняжеские распри, где вопрос о занятии престола решался в военных столкновениях князей. Но со второй половины XI в. мы можем наблюдать все большую вовлеченность народа в процесс распределения княжеских столов. В Киеве первый такой случай датируется 1068 г., когда после поражения от половцев из города был изгнан князь Изяслав. Начиная с 1113 г., когда по решению веча в Киев был приглашен Владимир Мономах, практика участия городской общины в этом вопросе становится здесь регулярной.

По мере освобождения от власти Киева в прочих городах в течение XI–XII вв. устанавливается аналогичный порядок выборности князей. И это была важная веха в процессе трансформации системы «власть–общество» из патерналистской в гражданскую. С началом избрания князей на Руси утверждается новый, общественный тип легитимации власти (когда для завоевания и удержания власти Рюриковичи уже не могли рассчитывать исключительно на свою дружину, теперь необходимо было и согласие со стороны общества), а князь из верховного правителя земли превращается в «главу городского управления» (В.Л. Махнач). Характерный эпизод: приглашая в 1146 г. на престол переяславского князя Изяслава Мстиславича, киевляне говорят ему: «Не хотим быти акы в задничу»⁶. В древнерусском языке слово «задничу» обозначала наследство, собственность. Иными словами *горожане объявляли*

князю, что не желают, чтобы он относился к ним как к своей собственности, а это значит, что в сознании людей формируется новый, гражданский принцип отношения к власти как к структуре, нанятой обществом для того, чтобы отстаивать его интересы.

Дальнейшее развитие протогражданских тенденций связано с установившейся со второй половины XII в. практики заключения договоров между князем и призвавшей его городской общиной. Этот договор обозначается в источниках как «ряд», «наряд» или «поряд», в нем оговаривались некоторые условия занятия престола, размеры княжеских кормлений и прочее. Все это ставило князя в определенные, строго очерченные рамки. «Ряд», по-видимому, мог быть устным (в этом случае летописец просто упоминает, что народ и князь целовали друг другу крест) или письменным (например, в 1175 г. горожане Владимира, призвав к себе князя Ярополка Ростиславича, посадили его на престол, «в Святей Богородице весь порядок положыше»⁷, то есть договор был положен на хранение в церковь). После этого положение Рюриковичей стало схожим с ролью так называемого «подеста» в итальянских коммунах. Подеста был чужеземцем, рыцарем, которого городская община приглашала на службу вместе с его вооруженным отрядом для выполнения административных и полицейских функций. Подеста всегда был чужеземцем, поскольку считалось, что в этом случае он не будет иметь каких-либо политических интересов в городе. Так же и древнерусский князь, приходя в город со своей дружиной и выполняя определенные общественно важные функции (управление, суд, военная защита), был, помимо всего прочего, еще и источником общественного компромисса – призванный со стороны, он должен был стоять *над* всеми социальными силами и узкоклассовыми интересами, гасить острые общественные конфликты. Как и итальянские коммуны, городские общины Древней Руси предоставляли своему «подеста» вознаграждение, так называемые «кормления» – определенный доход с волости.

Итак, мы видим, что *в городских сообществах домонгольской Руси активно развивались тенденции протогражданского типа*, они заключались в наличии механизмов воздействия общества на власть и контроля за ней, в возможности для граждан участвовать в принятии общезначимых решений, в значительной социально-политической активности населения. Вместе с тем очевидно, что *древнерусское вече не стало еще полноценным политическим институтом* – оно созывалось нерегулярно и не участвовало в решении многих текущих вопросов управления, сами собрания были зачастую довольно хаотичными и нередко заканчивались рукопашными схватками между спорящими «партиями», напоминая в этот

момент в большей степени племенную сходку времен военной демократии, нежели орган государственной власти. Но самое главное – *компетенция веча не была очерчена законодательными рамками*, она основывалась на обычае, подкрепленном возросшей мощью городских общин. А ведь именно подчиненность формальным правилам, а не обычаям или традициям является важнейшим критерием политического института (хотя серьезной предпосылкой к формализации политического процесса стала складывавшаяся практика заключения «ряда»). Эти недостатки веча, наличие пережитков архаической эпохи были следствием архаичности всей древнерусской государственности, которая находилась еще в процессе своего формирования.

В отличие от Запада, на политическое развитие Руси гораздо меньшее влияние оказывало античное наследие. Римская правовая традиция, сыгравшая важную роль в становлении европейского городского права, была у нас не известна. В этом заключалось, пожалуй, единственное по-настоящему серьезное отличие европейского «коммунального движения» от аналогичных процессов в домонгольской Руси. В Европе результаты освободительной борьбы городов имели правовое закрепление, сначала в виде хартий, затем в форме городских статутов – своеобразных конституций городских сообществ, где были прописаны права и вольности горожан, порядок формирования органов власти и т. д. Формальное закрепление городских свобод сделало завоевания европейских горожан более устойчивыми и привело к тому, что на Западе протогражданская система отношений между властью и обществом получила импульс для дальнейшего развития и уже в Новое время превратилась в собственно гражданскую.

История древнерусских волостей с их вечевым устройством обрывается в середине XIII в. Этому способствовал ряд обстоятельств, ключевым из которых стало монгольское нашествие, повлекшее за собой разрушение и упадок большинства городов. К тому же в полном запустении оказалась теперь транзитная торговля через русские земли, бывшая главной причиной расцвета городов в предшествующие века: с приходом монголов речные пути стали небезопасными, да и в европейской торговле с Востоком после Четвертого крестового похода появился новый посредник – Венеция. Сюда же следует добавить возникновение на русских границах мощных военных соперников (еще в начале XIII в. усиливается угроза с Запада в виде крестоносцев, датчан и шведов, а к середине столетия после объединения литовских племен под властью князя Миндовга начинает складываться Великое княжество Литовское, подпираемое дружественной Польшей). Следует

признать, что в этой ситуации древнерусская волость как форма политического устройства не имела серьезных исторических перспектив, что подтвердила и европейская история – на Западе города-государства сохраняли свою независимость лишь до тех пор, пока сосуществовали с раздробленными государствами Раннего и Высокого Средневековья. К середине XIII в. на Востоке Европы не осталось объективных условий, способствовавших дальнейшему развитию русской государственности в форме полицентричных городских сообществ.

Изменение геополитических условий сделало невозможным сколько-нибудь устойчивое воспроизведение политического опыта домонгольских городов в дальнейшем, но, как нам представляется, история их становления и развития важна сама по себе, самим фактом своего существования доказывая скептикам, что на «русской почве» могут существовать и успешно развиваться принципы взаимоотношений между властью и обществом, близкие к гражданским.

Примечания

- 1 См.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956.
- 2 *Сванидзе А.А.* Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* М.: Наука, 1999. Т. 1. С. 24.
- 3 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. Стб. 377–378.
- 4 Там же. Стб. 259–260.
- 5 *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // *Начала русской истории.* М.: Изд. дом «Парад», 2001. С. 686.
- 6 ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 323.
- 7 Там же. Т. 1. Стб. 374.